

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Вор

Серия «Киевские типы», книга 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2471625

Аннотация

«Сведущее лицо, то есть учитель, или как он зовется на воровском argot „маз“, очень скоро и безошибочно определяет, к какой именно из более узких отраслей своей специальности способен ученик. Направление ума, свойства души, наружность, наконец, даже телосложение ученика ясно говорят, будет ли он „марвихером“, или „скачком“, или „бугайщиком“, или „блакатарем“, или „аферистом“...»

Содержание

Александр Иванович Куприн Вор

Сведущее лицо, то есть учитель, или как он зовется на воровском *argot*¹ «маз», очень скоро и безошибочно определяет, к какой именно из более узких отраслей своей специальности способен ученик. Направление ума, свойства души, наружность, наконец, даже телосложение ученика ясно говорят, будет ли он «марвихером», или «скачком», или «бугайщиком», или «блакатарем», или «аферистом».

«Марвихер» это вор, занимающийся исключительно карманными кражами. Он невелик ростом, худощав, ловок и быстр в движениях. Одевается, как средней руки мещанин или зажиточный рабочий (за последнее время между «марвихера-ми» вошли в моду короткие мохнатые бушлаты из светло-желтого драпа). По натуре труслив, любит «звонить» (болтать, хвастаться) и на крупные предприятия, благодаря этим качествам, вовсе не приглашается.

На «дело» «марвихер» никогда не идет один, а берет с собою помощника или помощницу, большею ча-

¹ Жаргон (*франц.*).

стью подругу сердца, которая называется «марвихершей». Свечные ящики в церквах излюбленное место, около которого эта компания являет искусство рук. «Стырить» кошелек из пальто растерявшейся в тесноте дамы для опытного карманщика дело одной минуты. Еще быстрее передается этот кошелек в третьи, четвертые и пятые руки, так что на случай обыска «марвихер» может с легким сердцем выражать свое благородное негодование. Многолюдные гулянья и зрелища также посещаются «марвихерами».

Но, чтобы «дело» вышло «клевое», то есть удачное, они стараются работать наверняка, то есть сначала выследить «карася» в момент, когда он платит и меняет деньги, и удостовериться, в какой карман он их положит. Затем остается только стиснуть со всех сторон намеченную жертву или завести с ней общую драку, во время которой и обчищается «кайстра» (мешок и карман, кошелек и касса одинаково называются этим техническим термином). Рассказы о том, что своих учеников воры заставляют практиковаться сначала на манекенах, увешанных звонками, преувеличены, по крайней мере по отношению к киевской ассоциации. Просто-напросто «маз» пускает ученика на дело одного, а сам издали следит за ним, критикует его работу и в случае надобности и возможности подает помощь... Окончательную же шлифовку «марви-

хер» получает в «гостинице» (тюрем), где рассказы о ловких «делах», обратясь в легенды и предания, с уважением передаются из поколения в поколение.

Нечего говорить о том, что «марвихеры», как и прочие воры, выработали свой собственный условный язык. Так, например, часы у них называются «стукалы», сапоги «коньки», панталоны «шкáры», манишка и галстук «гудок», сыщик «лягавый», городской «барбос», тюремный надзиратель «менто», военный «мaсaлка» и так далее.

У воров есть и свои собственные песни, навеянные тюремными музами. Песни эти говорят большею частью о суде и о горькой участи «мальчишки», отправляющегося на каторгу. В одной из них, например, поется о том, что

Судей сберется полк,
Составит свое мнение
И скажет, что я вор,
Сослать на поселение.

Защитник у глазах
Обрежет прокурора
И скажет, что нельзя
Его считать за вора.

И тут же неожиданно глупый припев:

Всегда, всегда с утра и до утра.

Другая песня, с очень трогательным мотивом, похожим на похоронный марш, чрезвычайно популярна. Она начинается так:

Прощай, моя Одесса,
Прощай, мой карантин,
Нас завтра отвозят
На остров Сахалин.

И припев, печальный, почти рыдающий припев:

Погиб я, мальчишка, погиб навсегда.
А годы проходят, проходят лета.

Однако мальчишка вовсе не заслуживает этого сожаления, потому что дальше очень подробно перечисляются его прежние подвиги:

Зарезал мать родную,
Отца я убил,

и опять «Погиб я, мальчишка...» и так далее до бесконечности, куплетов что-то около сорока.

За «марвихером» следует лицо высшей категории «скок», иначе «скачок» или «скокцер». Его специаль-

ность ночные кражи через форточки и двери, отворяемые при помощи отмычек. «Скачку» не надо обладать художественной ловкостью «марвихера», но зато его дело требует несравненно большей дерзости, присутствия духа, находчивости и, пожалуй, силы. «Скачок» никогда не упускает из виду, что неловкость или случай могут натолкнуть его во время работы на человека, готового «наделать тарараму» («тарарам» означает шум, скандал). Потому всякий «скачок» не расстанется с ножом, который на воровском жаргоне называется очень разнообразно: «пером», «хомкой», «жуликом» и другими именами.

По большей части «скачок» бывший слесарь, и наружность его долго сохраняет следы, налагаемые его прежней профессией. На дело «скачок» редко идет в одиночку; ему необходимо, чтобы кто-нибудь «стремил» (стерег, наблюдал) в то время, когда он работает. Стоящий на стреме, или по-киевски² «штемп», выбирается, из второстепенных воришек, неспособных к ответственным подвигам или не успевших еще зарекомендовать себя. Почуяв опасность, «штемп» дает условный сигнал. Большею частью он кричит: «шесть!» или «зеке!», иногда же сигнал состоит из

² Говорим «по-киевски» потому, что многие термины, как, напр., «стремить», «жулик» и др., повсеместны, а некоторые принадлежат только киевскому воровскому языку.

свистка или покашливания, смотря по обстоятельствам. За свои услуги «штемп» получает из «дувана» (добычи) самое мизерное вознаграждение. Заметим, кстати, что «скачок» производит кражи почти всегда при помощи прислуги «карасей», и гораздо чаще женской, чем мужской, обязанность которой заключается в «подводке», то есть, иным словом, в приуготовлении дела.

Специальность «бугайщика» не так опасна, как специальность «скачка» или «марвихера», и требует несравненно менее наглости и физической ловкости.

«Бугайщик» работает не руками, а головой и языком. Он спекулирует на человеческой глупости, доверчивости и жадности. Самый излюбленный прием «бугайщиков» состоит вот в чем. Наметив на улице «карася», один из них идет впереди его и, как будто бы нечаянно, роняет какой-нибудь предмет — медальон, брошку, кольцо или что-нибудь в этом роде. «Карась» нагибается и поднимает этот предмет, но его тотчас же хватает за руки другой «бугайщик», идущий за ним следом, и требует «честного дележа», а в противном случае угрожает «скричать городского». «Карась» волей-неволей подчиняется требованию. Тогда «бугайщик» увлекает его в «свой» полутемный трактир, где и получает с него деньгами половину стоимости брошки, причем экспертом в оценке является «сторонний»,

незнакомый якобы ни тому, ни другому посетитель, то есть третий «бугайщик». В конце концов, конечно, найденная драгоценность оказывается медянкой, со стеклами вместо камней, а то и просто шпильмаркой³.

Так же охотно занимаются «бугайщики» и продажей фальшивых ассигнаций в виде так называемых «кукол», то есть пачек простой бумаги, сверху и снизу которых лежат настоящие кредитные билеты. Такая «кукла» всовывается простаку за приличную плату.

Из сказанного ясно, что работа «бугайщика» заключается в том, чтобы «забить баки» «карасю», «наморочить ему голову». Но «бугайщики» всегда действуют по избитым, определенным шаблонам. Изобретателем и творцом новых кунштюков является «аферист».

«Аферист»⁴ это пышный, великолепный цветок воровской профессии. Он одевается у самых шикарных портных, бывает в лучших клубах, носит громкий (и, конечно, вымышленный) титул. Живет в дорогих гостиницах и нередко отличается изящными манерами. Его проделки с ювелирами и банкирскими конторами часто носят на себе печать почти гениальной изобре-

³ Фишкой (от нем. *Spielmarke*).

⁴ Читатели дальше увидят, что выражение «аферист» на языке воров имеет значение, весьма различающееся с общепринятым. (Прим. автора.)

тательности, соединенной с удивительным знанием человеческих слабостей. Ему приходится брать на себя самые разнообразные роли, начиная от посыльного и кончая губернатором, и он исполняет их с искусством, которому позавидовал бы любой первоклассный актер. Слушая или читая о проделках Шпейера, Корнета Савина, Золотой ручки и других знаменитых «аферистов», которые выказывали сплошь да рядом такую страшную силу воли, такой недюжинный ум и такую смелость, поневоле задумаешься над тем, какую пользу принесли бы обществу эти люди, если бы их качества были направлены в хорошую сторону...

Описывая различные категории киевских воров, мы упустили из виду некоторые интересные специальности. Так, например, вор, занимающийся исключительно кражей со взломом, называется «шнифером», а самое его занятие «шнифом». Нечего и говорить о том, что профессия «шнифера» сопряжена со значительной ловкостью и нахальством, вследствие чего к «шниферам» относятся с уважением как вся воровская ассоциация, так и тюрьма, где «шнифер» считается почетным гостем.

Есть вору, промысел которых состоит в том, что они «ходят на доброе утро», то есть забираются по утрам в гостиницы, как будто бы разыскивая знакомых. При этом они заходят последовательно во все

номера, покамест не найдут оставленного легкомысленным «пассажиром» и незапертого номера. Застигнутые на месте действия, они извиняются, ссылаясь на то, что ошиблись дверью... Воры этого разряда, для того чтобы не возбуждать преждевременного подозрения, одеваются почти прилично.

Здесь уже кстати будет упомянуть о «христославцах». Они собираются на рождественских праздниках в небольшие компании и ходят по домам «со звездой», выискивая удобный случай стянуть в передней пальто или калоши. Этот промысел не требует никакого искусства, и занимаются им только начинающие артисты.

Гораздо опаснее так называемые «хиписницы» («хипис» вообще значит кража) или «кошки». Они ходят по магазинам во время распродаж и окончательных ликвидации и, пользуясь толкотней, всегда находят возможность прицепить к изнанке ротонды штуку материи или моток кружев. Также «кошки» не брезгают и тем, чтобы соблазнить какого-нибудь уличного селадона, напоить его до положения риз и потом обобрать при помощи постоянного друга сердца, который на их жаргоне называется «котом». Впрочем, здесь мы подходим уже к весьма интересному миру сутенеров, или, по-киевски, «зуктеров», о котором поговорим в своем месте.

Когда вор «откопал» (окончил) дело, то на сцену является новое и чуть ли не самое важное в воровской профессии лицо «блакатарь», то есть покупатель и укрыватель краденого. Каждому порядочному мошеннику известно, что о всякой более или менее крупной краже потерпевший тотчас же сообщает полиции, и «лягавые» особенно тщательно начинают следить за ломбардами и магазинами, принимающими в лом драгоценные металлы. Волей-неволей приходится идти к «блакатарю», который, по-своему добросовестно оценив вещь, выдает за нее половину ее стоимости. Исключение составляют те случаи, когда «блакатарь» сам дает дело, то есть указывает место и сообщает все необходимые для воров сведения. В этих случаях «блакатарь» выдает за вещи только треть их цены.

Все «блакатари» мира соединены между собою наподобие звеньев гигантской цепи. Предмет, украденный сегодня в Киеве, через два-три дня уже находится в Петербурге, если не за границей. Большинство «блакатареи» для вида занимается перекупкой старого платья или содержанием трактира.

Промежуточную ступень между ворами и обыкновенными людьми составляют «блатные», то есть пособники, покровители или просто только глядящие сквозь пальцы люди всяких чинов и званий. Сюда от-

носятся: разного рода пристанодержатели, дворники, прислуга, хозяева ночлежных домов и грязных портерных.

1897